

40. Гуревич Ф. Д. Прибалтийский импорт в Понеманье в X—XIII вв. — В кн.: От эпохи бронзы до раннего феодализма. Таллин: Эсти раамат, 1966.
41. Алексеев Л. В. Раскопки древнего Браслава. — КСИА, 1960, вып. 81.
42. Штыхов Г. В. Сравнительное изучение древнейших городов Полоцкой земли и памятников их окрестностей. — В кн.: ДБ. Минск, 1966.
43. Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX—XIII вв. — М.: Наука, 1966.
44. Штыхов Г. В. Раскопки в Лукомле в 1966—1968 годах. — В кн.: ДБ. Минск, 1969.
45. Левашова Б. П. Сельское хозяйство. — Тр. ГИМ, 1956, вып. 32.
46. Звяруга Я. Г. Сельскагаспадарчыя прылады X—XIV ст. ст. з раскопак гарадоў Верхняга Панямоння. — В кн.: Этнаграфічны зборнік. Мінск: Навука і тэхніка, 1975.
47. Lietuvių materialinė kultūra IX—XIII amžiuje, t. 1. — Vilnius: Mokslas, 1978.
48. Кадисев С. А., Купченко Г. В., Зверуго Я. Г. Железные изделия древнего Волковыска. — В кн.: Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969.
49. Шноре Э. Д. Асотское городище. — В кн.: МИАЛ. Рига: Изд-во АН ЛатвССР, 1961, т. 2.
50. Зверуго Я. Г. Отчет Верхненеманского отряда Белорусской археологической экспедиции о полевых работах в 1976 году. — Архив ИИ АН БССР, № 542.
51. Hořubowicz W. Ceramika słowiańska XI—XII wieku cmentarzyska kola wsi Nawry. — RA. Wilno, 1937, t. 1.
52. Кирьянов А. В. Материалы по истории земледелия из раскопок в Гродно. — МИА, 1954, № 41.

#### SLAWISCH-BALTISCHE KONTAKTE IM FRÜHEN MITTELALTER

J. Swerugo

#### Zusammenfassung

Fast das ganze Territorium Belorusslands war bis zur Mitte des ersten Jahrtausends u. Z. von Balten bewohnt. Die ostslawische Kolonisation der Flussgebiete des oberen Dnepr (Werchnee Podneprowje), der Dwina und des Nemunas kennzeichnete sich durch die Assimilation mit den Balten. Slawen und Balten hatten im frühen Mittelalter keine ständige ethnische Grenze. Zwischen kompakten ethnischen Gruppen befand sich umfassende Region, wo die Völker „verstreuliegend“ wohnten. Unter dem Einfluss des baltischen Substrats eigneten sich die Slawen einige Elemente des Beerdigungsrituals eigentümlicher Völker an. Ausser den Haushalts- und Wirtschaftsgegenständen, die für Slawen typisch waren, findet man in den Grabhügelfeldern solche, die sich auf den baltischen Altertum beziehen. Die reichen Funden der Städteausgrabungen zeugen davon, dass Balten und Slawen enge kulturelle und wirtschaftliche Beziehungen hatten. Zu der baltischen Einfuhr gehörten Bernstein, Bernsteinerzeugnisse, Metallschmuckbeigabe, Amuletten und verschiedene Toilettengegenstände u. a. Einige von diesen Erzeugnissen waren aus baltischen Ländern hergebracht, andere wurden selbständig nach dem baltischen Vorbild hergestellt.

#### ДРЕВНОСТИ БАЛТОВ БЕЛОРУССКОГО ПОДВИНЬЯ

В. И. Шадыро (Минск)

Отсутствие письменных источников и недостаточность археологического материала долгое время не позволяли составить представление об истории и культуре племен, населявших с I тысячелетия до н. э. до

первой половины I тысячелетия н. э. север Белоруссии, т. е. бассейна Западной Двины в пределах Белоруссии (Витебская обл. без самой южной ее окраины).

В советский период и особенно за последние 20 лет изучения стало возможным дать научную интерпретацию новым данным и определить их место среди древностей раннего железного века лесной полосы Восточной Европы. Изучение материала городищ Белорусского Подвинья (рис. 1) позволило А. Г. Митрофанову объединить древности Белорусского Подвинья и идентичные им смоленские в один этнокультурный массив под названием днепро-двинской культуры [1, с. 137—138]. Последние исследования Е. А. Шмидта [2], А. Г. Митрофанова [3], В. В. Седова [4], Р. С. Минасяна [5] и автора [6] дают возможность очертить границы днепро-двинской культуры (рис. 2).

Основным типом поселений днепро-двинской культуры Белорусского Подвинья были укрепленные холмовые и мысовые поселки-городища. Селища, одновременные городищам или предшествовавшие им, пока не выявлены. К настоящему времени на изучаемой территории, изобилующей всхолмлениями ледникового происхождения,

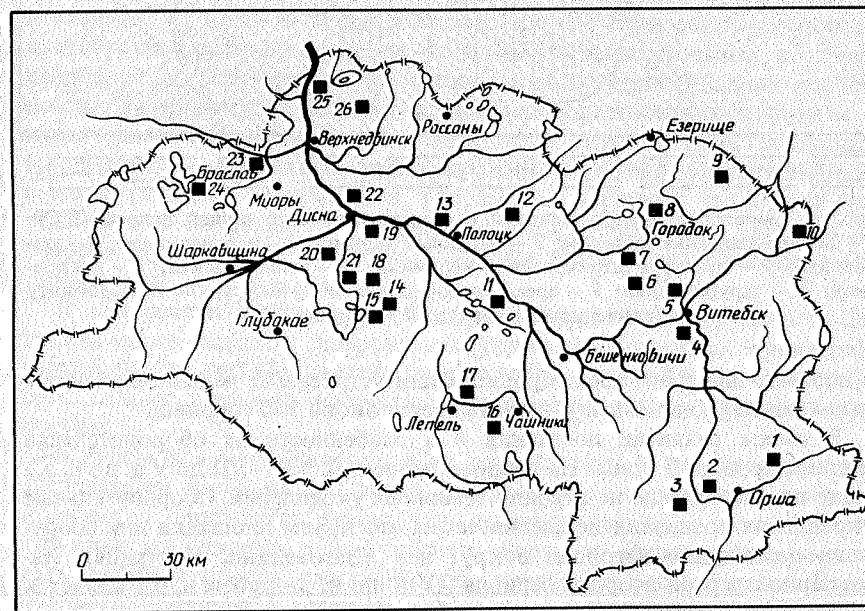


Рис. 1. Городища Белорусского Подвинья, на которых производились раскопки: 1 — Германы; 2 — Черкасово; 3 — Дымокуры; 4 — Бароники; 5 — Лужесно; 6 — Зароново; 7 — Казиново; 8 — Бураково; 9 — Загорцы; 10 — Тербакунь; 11 — Загавалино; 12 — Девички; 13 — Горовые; 14 — Черемично; 15 — Кубличи; 16 — Кострица; 17 — Боровно; 18 — Замошь; 19 — Мазурино; 20 — Язно; 21 — Поддубники; 22 — Барсуки; 23 — Прудники; 24 — Ратюники; 25 — Урагово; 26 — Абрамово

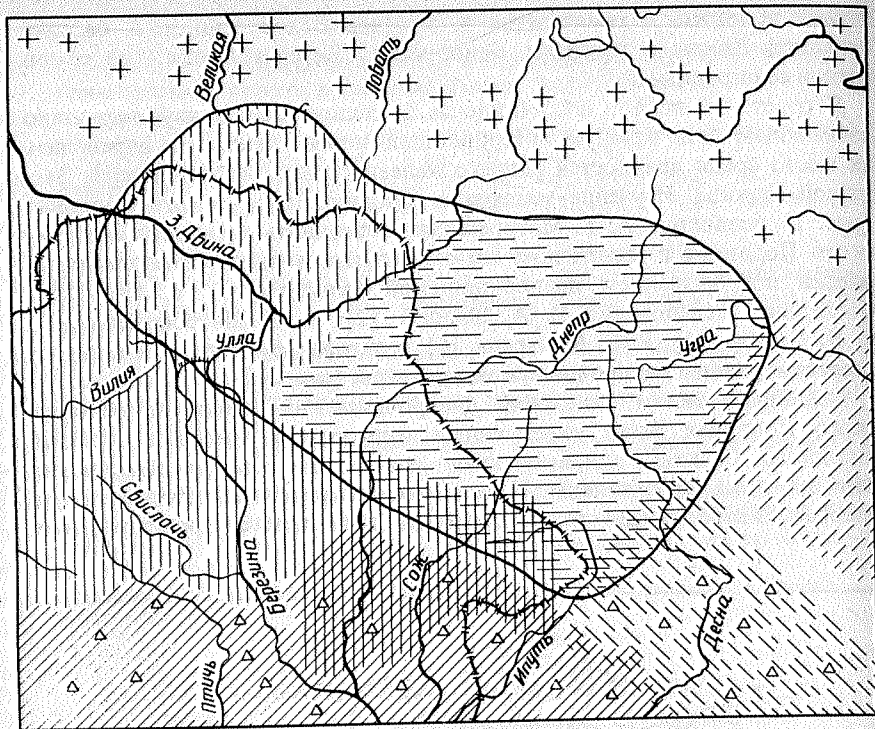


Рис. 2. Территория днепро-двинской и смежных культур лесной полосы СССР: 1 — днепро-двинская культура; 2 — западный вариант; 3 — верхнеокская; 4 — южновская; 5 — культура штрихованной керамики; 6 — милоградская; 7 — дяковская; 8 — зарубинецкая; 9 — ареал днепро-двинской культуры (по Е. А. Шмидту с уточнениями автора); 10 — граница БССР

и поэтому две трети всех городищ были устроены на ледниковых останках — холмах (холмовые), насчитывается около 250 городищ.

В своем развитии поселения и в особенности их оборонительная система прошли 3 этапа. На первом, раннем (с VIII—VII до V в. до н. э.) этапе поселенцы еще не строили земляных укреплений. Оборонительные укрепления создавали подсыпая землю по краям площадки или сооружали деревянные изгороди вокруг нее (Заговалино, Кострица). Характерной чертой второго периода (IV в. до н. э.—рубеж н. э.) является сооружение внутреннего вала и деревянных конструкций на нем. С первых веков н. э. городища укрепляются мощными валами и рвами, превращаясь в поселки-крепости с довольно развитой фортификационной системой (Барсуки, Поддубники, Понизово).

О характере жилищ на поселениях можно судить по материалам с V—IV вв. до н. э., которые свидетельствуют о том, что жилыми по-

стройками на городищах были наземные сооружения столбовой конструкции. Они имеют много общего с жилищами соседних территорий балтского ареала, особенно с поселениями культуры штрихованной керамики. Форма и размеры их изменялись в связи с общей тенденцией перехода от прямоугольных удлиненных построек к небольшим квадратным. Тип жилищ самого раннего периода остается пока неизвестным. Наиболее древние из них (Кубличи, Язно, Горовые) представляли собой удлиненные дома (2,5–3х7–5 м), которые располагались у самого края площадки городища. Это, как правило, двухкамерные жилища с каменным очагом в каждом помещении. Анализ материалов позволяет отнести их ко второй половине I тысячелетия до н. э.

Дальнейшая эволюция в домостроительстве на рубеже н. э. отражается в увеличении площади отдельных жилых помещений, а также в появлении довольно больших (3–4х4–5 м), отдельно стоящих однокамерных домов с каменными очагами в центре, иногда врытыми в землю. Постройки размещаются по всей площади городища, а не только по краям. Следы таких жилищ зафиксированы почти на всех исследованных памятниках. Материал, выявленный в этих сооружениях, датируется первыми веками н. э., когда в среде балтских племен стала распространяться своеобразная застройка в виде отдельных четырехугольных построек столбовой и реже кольцево-столбовой конструкции. Данные особенности связываются с поздним периодом существования культуры и характеризуются созданием мощной системы укреплений на городищах. На некоторых городищах зафиксирована каменная вымостка пола, а также глиняная обмазка стен (Абрамово, Барсуки), что в свою очередь служит показателем эволюции в домостроительстве. Об этом же говорят очаги в виде простого скопления камней, углубленных в материк.

В материальной культуре обитателей городищ Белорусского Подвинья много схожего с синхронными древностями смежных территорий. Специфика же региона связана прежде всего с керамическим комплексом, основу которого составляют фрагменты лепной гладкостенной посуды.

В целом вся керамика довольно однообразна. В распоряжении исследователей всего лишь 7 целых сосудов. Однако, учитывая большое количество фрагментов (несколько десятков тысяч), а также реконструкции из однокультурной области Верхнего Поднепровья, можно дать предварительную классификацию керамического материала Белорусского Подвинья и отметить его особенности. Основная часть фрагментов относится к двум отделам: непрофилированные и слабопрофилированные горшки, условно называемые баночными. Они без выраженных шеек и плечиков, наиболее часто встречаются в материалах раскопок в западной половине Белорусского Подвинья. Судя по крупным фрагментам и смоленским аналогиям [7, с. 353–356, рис. 5: 1, 4, 6: 1–11], высота многих сосудов зачастую превышает их диаметр, хотя бывает и наоборот (рис. 3: 1, 2, 5). У сосудов расширяющееся кверху тулово, дно при переходе в стенку часто имеет выступ (рис. 3: 12, 13,

20, 21, 23). Характерная особенность изучаемой глиняной посуды в том, что она чаще, чем на Смоленщине, имеет орнаментацию. Украшения расположены в верхней части сосуда или, реже, по изгибу шейки.

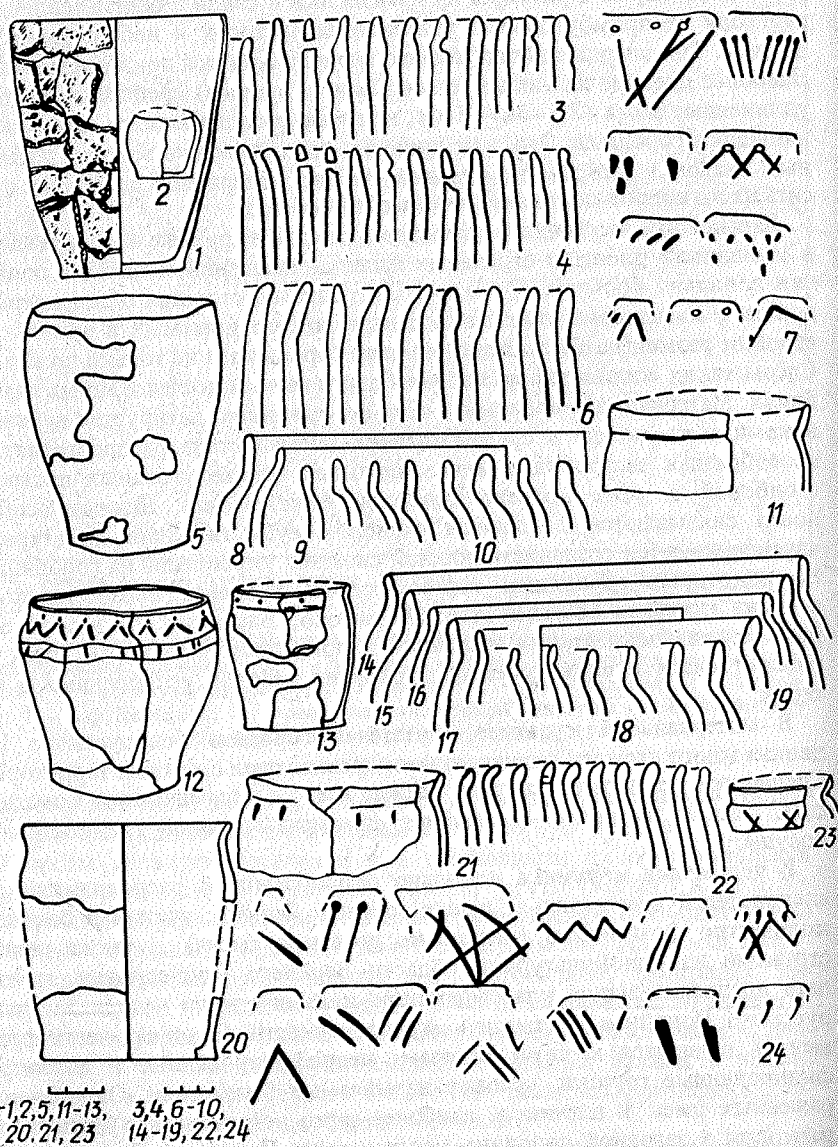


Рис. 3. Керамический материал городищ Белорусского Подвинья: 1 – Барсуки; 2 – Кубличи; 3, 4, 6 – венчики от баночных сосудов; 5 – Горовые; 7 – орнаментика баночных сосудов; 8–10, 14–19, 22 – венчики слабопрофилированных сосудов; 11, 13, 21, 23 – Кубличи; 20 – Кострица; 24 – орнаментика слабопрофилированных сосудов

Для баночных сосудов наиболее характерна орнаментация в виде сквозных отверстий ниже края венчика. Слабопрофилированным сосудам свойственно разнообразие орнаментальных мотивов, однако чаще всего встречаются прочерченные и нарезанные линии, расходящиеся вниз от шейки из одной точки, а также ямочные вдавления от поставленных при работе вверх острием или наклонно разнообразных случайных предметов: шепок, плоских палочек и пр. Реже представлены разнообразные узоры, состоящие из неглубоких ямок, линий, штрихов и т. п.

На городищах Белорусского Подвинья помимо гладкостенной иногда встречается посуда со штрихованной и сетчатой поверхностями. Однако формы сосудов по всему региону остаются днепродвинскими. Древнейшие находки на городищах Белорусского Подвинья датируются первой половиной I тысячелетия до н. э. К их числу помимо архаичной керамики относятся различные типы каменных и костяных изделий (рис. 5). На территории Белорусского Подвинья обнаружено свыше 150 каменных предметов (топоры, долота, зернотерки, терочники, точильные бруски и т. д.), относящихся к изучаемому периоду. Так, на городище Замощье на площади 200 м нами выявлено 6 проушных топоров, 5 высверлин и свыше 100 клиновидных топоров. Самые многочисленные (около 200) находки из камня: клиновидные топоры – долота (рис. 5: 3–5, 13).

Вплоть до рубежа н. э. использовалось большое количество изделий из кости (рис. 5: 14–42): разнообразные орудия труда (шилья, проколки, долота, кочедыки, острия, иглы и т. д.), детали одежды и украшения (разнообразные булавки, пуговицы); предметы вооружения (наконечники стрел, дротиков, копий, рукоятки ножей, кинжала и т. д.). Изделия эти имеют широкие аналогии и в особенности в древностях дьяковской культуры и городищ Прибалтики [8]. Специфические предметы убора древних балтов – булавки (рис. 5: 14–16), по классификации Я. Я. Граудониса [9, lpp. 70], могут быть отнесены к типу II-A3 (булавки с ушком) и ближайшей аналогией им может служить булавка из Двиетского городища Даугавпилского р-на [9, lpp. 65]. Эти аналогии по сходству с бронзовой булавкой из Шлажяй можно датировать IV–V периодом бронзы (не позднее VIII–VII вв. до н. э.). Прямая булавка (рис. 5: 14) может быть отнесена по той же классификации к типу II-B11 (с профилированной головкой). Ближайшей аналогией ей служит булавка из городища в Даугмале [9, lpp. 66, att. 1: 19]. Стратиграфические данные позволяют относить эти предметы к первой половине I тысячелетия до н. э.

Если на юге Белоруссии железные орудия появились в VII–VI вв. до н. э. [10, с. 136], то на севере они распространились несколько позже, во второй половине I тысячелетия до н. э., и широко вошли в обиход только на рубеже н. э. Исключение составляет железный псалий (рис. 4: 28), который К. П. Шут датирует VI–V вв. до н. э. Этим временем он и определяет нижнюю дату городищ северной Белоруссии [11, с. 181]. Однако в связи с запаздыванием железоделательного производства на изучаемой территории определяющими для нижней датировки культуры

должны быть изделия из кости. Таким образом, ранний период днепродвинской культуры северной Белоруссии связан с эпохой поздней бронзы, а начало железного века необходимо относить ко второй половине I тысячелетия до н. э.

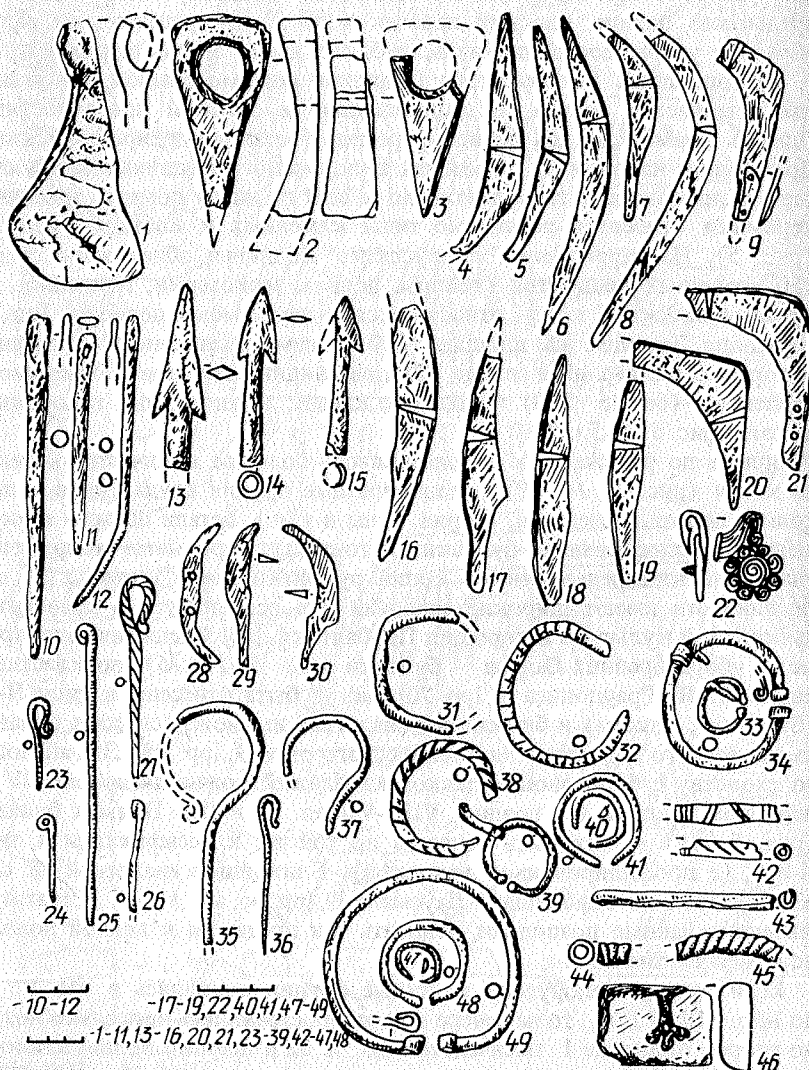


Рис. 4. Материалы городищ Белорусского Подвинья: 1-21; 23-39 - железо; 22, 40-49 - бронза; 46 - бронзолитейная форма; 1 - Поддубники; 2, 22 - Бароники; 3, 8, 9, 11, 13, 17, 26, 29, 32 - Замощье; 4-6, 25, 30-35 - Бураково; 7 - Мазурино; 10, 15, 19, 45 - Язно; 12, 14, 21, 23, 24, 27, 28, 36, 38, 39, 47-49 - Кострица; 18 - Казиново; 16, 20, 31, 40-44 - Барсуки; 46 - Кисели; 33, 34, 37 - Загорцы

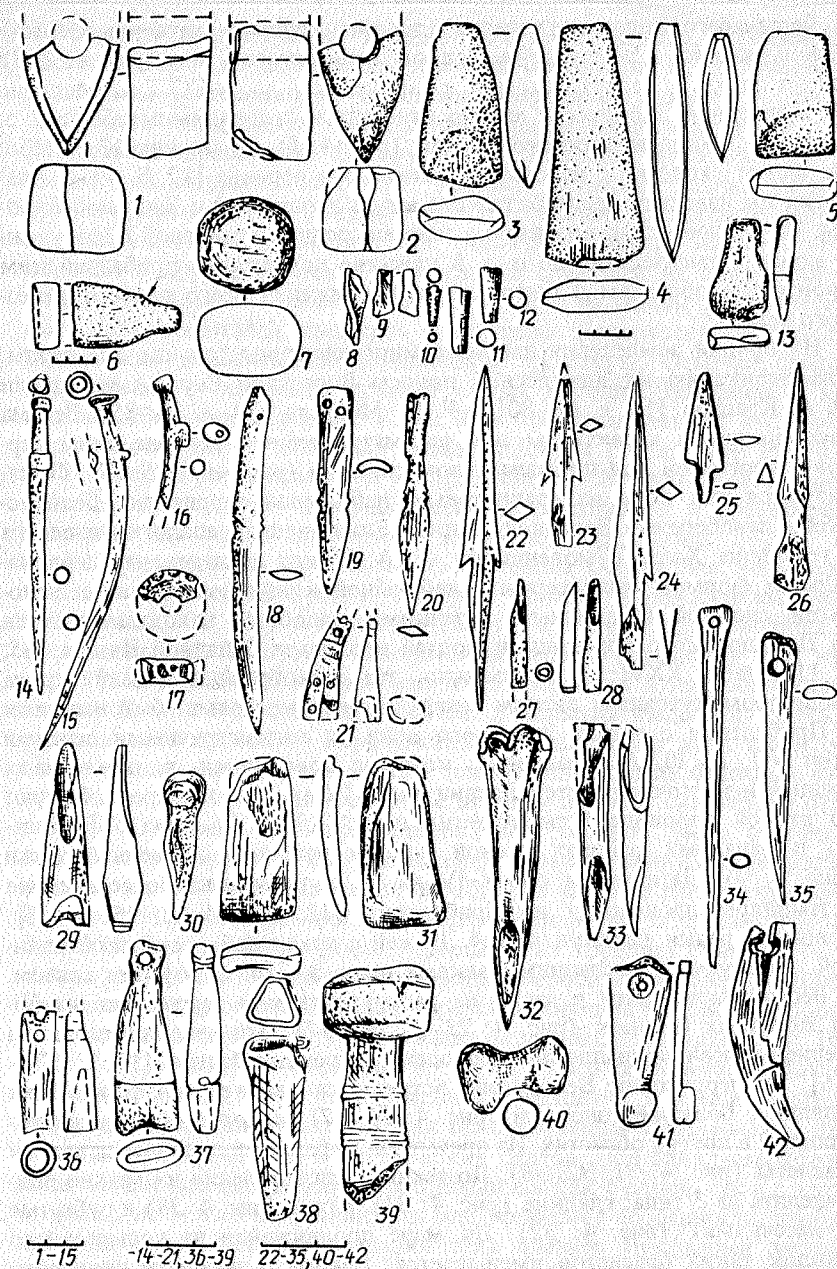


Рис. 5. Материалы из городищ Белорусского Подвинья: 1-13 - камни; 6 - нижний камень зернотерки; 14-22 - кости; 1-21, 25, 27-33, 36-39 - Замощье; 22-24, 34, 35 - Поддубники; 26 - Бураково; 40, 41 - Урагово; 42 - Кострица

Чаще всего железные изделия (топоры, серпы и жатвенные ножи) использовались в земледелии. Топоры „скифского” типа (рис. 4: 2, 3) имеют широкое распространение в европейской части СССР и появление их в северной Белоруссии можно относить к последнему веку до н. э. Топоры „южноприбалтийского” типа (рис. 4: 1), по мнению Х. А. Моора, имеют сходство с находками латенского периода [12, S. 495]. Аналогии им известны среди балтского круга древностей и Западной Европы. Их производство возникло у племен средней и северной Белоруссии в конце I тысячелетия до н. э. в качестве подражания прибалтийским бронзовым образцам и бытовало на протяжении всего раннего железного века.

Из орудий земледелия наиболее многочисленны (свыше 30) серпы. Классификацию их для лесной полосы Восточной Европы произвели Ю. А. Краснов [13, с. 68–80] и Р. С. Минасян [14, с. 74–85]. Весьма своеобразны и характерны для рассматриваемого региона типы серпов с изогнутой под прямым углом спинкой (рис. 4: 9, 20, 21). Локализуются они пока на сравнительно небольшой территории белорусского левобережья Западной Двины. Единственная аналогия известна с городища Холм (Смоленщина). Е. А. Шмидт полагает, что первоначальной формой были серпы с небольшой кривизной лезвия и угловатой спинкой и длинным черенком; подобные находки имеются из Демидовского городища и Подгай верховьев Западной Двины [15, с. 117, табл. XXVI: 7]. Возможно, эти своеобразные изделия труда были промежуточным звеном между ножами-косарями, бытовавшими в Прибалтике с начала железного века, и асимметричными серпами (тип VII, по Ю. А. Краснову), которые появляются в памятниках средней и восточной частей Латвии во II–IV вв. н. э. и широко бытуют во второй половине I тысячелетия н. э. [13, с. 76, рис. 52]. Только в западных районах лесной полосы известны жатвенные ножи (рис. 4: 4). Датируются они I–IV вв. н. э., причем наиболее древние экземпляры происходят из Прибалтики [12, Abb. I, II; 15, с. 68]. Довольно редки находки ножей. Ножей с архаичной „горбатой” спинкой, датируемых последними веками до н. э. [16, с. 46], нет совсем.

Весьма характерны и часты на рассматриваемой территории находки железных булавок (рис. 4: 23–27, 35–37). Эти изделия являются специфической принадлежностью одежды древних балтов [17, с. 129–146]. На территории Белоруссии встречается характерная форма этих изделий с большой головкой (рис. 4: 36, 37), которая пока не зафиксирована в других областях. Из предметов украшения наиболее известны браслеты (рис. 4: 31, 32, 38). По технике изготовления их можно подразделить на 3 типа: гладкие (рис. 4: 31), витые (рис. 4: 38) и рубчатые (с насечками) (рис. 4: 32). По мере продвижения на восток число находок таких браслетов уменьшается. Говоря о западном происхождении всех типов браслетов, следует отметить, что местное производство их неоднократно зафиксировано находками линейных форм в восточном регионе днепро-двинской культуры, т. е. на Смоленщине [8, с. 360–361].

Находки предметов из бронзы (браслеты, кольца, бляшки, подвески и т. п.) в памятниках северной Белоруссии немногочисленны. Уникальные умбоновидные подвески (Бароники, Бураково) (рис. 4: 22). Здесь наблюдается явная связь с финно-угорскими древностями.

Изучение древностей Белорусского Подвинья показало, что они имеют ряд отличительных черт, которые выделяют данный регион в ареале днепро-двинской культуры. Отдаленность различных районов, их разобщенность и замкнутость, различная степень этнокультурных влияний и другие факторы не могли не сказаться на появлении различных локальных особенностей. К. П. Шут на основе керамического материала попытался выделить в пределах Белоруссии себежский и смоленский варианты днепро-двинской культуры. Отмечая сходство керамического материала правобережных городищ Подвинья с керамикой себежских городищ, К. П. Шут противопоставлял им керамический комплекс левобережья Западной Двины [11, с. 169]. Еще ранее П. Н. Третьяков, опираясь на исследования С. А. Таракановой, высказывался за сходство керамики себежских городищ и правобережья Западной Двины с южновосточной керамикой Подесенья [3, с. 21]. П. Н. Третьяков на материалах из городища Осыно счел возможным выделить Себежский край и смежные области (правобережье Западной Двины – В. III) в самостоятельную культуру, где городища, исследованные К. П. Шутом, находятся на южном пограничье этой культуры [18, с. 215–216]. Материал из левобережья и правобережья Западной Двины абсолютно аналогичен, и попытка выделения здесь вариантов необоснованна. Керамический комплекс по всей территории имеет общие характерные черты: тонкостенные, чаще баночных форм сосуды, иногда орнаментированные по низу венчика сквозными отверстиями. Орнамент слабопрофилированных сосудов часто состоит из неглубоких продолговатых вдавлений, расположенных вертикально, а также из прочерченных линий, исходящих часто из неглубоких ямок. Причем подобная керамика встречается равномерно по обеим сторонам Западной Двины. Более того, материалы из городищ Себежского Поозерья идентичны древностям из городищ левобережья Западной Двины. Принадлежность себежских, как впрочем и городищ южной Псковщины, к днепро-двинской культуре доказана рядом исследователей [4, с. 166–170; 5, с. 133–141] и в последнее время ни у кого не вызывает сомнения.

Территория Белорусского Подвинья, находясь в ареале восточно-балтского населения, являлась как бы связующим звеном между древностями прибалтийских и днепровских балтов. Под влиянием, которое испытывали племена Белорусского Подвинья как с одной, так и с другой стороны, не могли не возникнуть специфические особенности, которые наблюдаются в истории развития этих племен. Некоторый застой в культуре объясняется тем, что изучаемая территория Подвинья не испытывала такого влияния более развитых южных культур, как это наблюдалось в Верхнем Поднепровье. Этнические процессы, вызванные проникновением зарубинецких племен в Верхнее Поднепровье в начале н. э., способствовали развитию особенностей в культуре племен Верхнего

Поднепровья [19, с. 102]. Причем до такой степени, что эти древности выделяются в новую культуру типа Адаменского селища. Территория же Среднего Подвinya испытывала это влияние уже непосредственно как через верхнеднепровские, так и через племена культуры штрихованной керамики. Притока нового населения здесь не наблюдается вплоть до V н. э.

Вопрос об этнической принадлежности днепро-двинских городищ не является ныне дискуссионным. Принадлежность городищ раннего железного века Белорусского Подвinya к племенам восточнобалтской языковой группе неоспорима. Необходимо определить племенное членение в этнической истории восточных балтов. Изучая многочисленную гидронимию балтского происхождения, литовский языковед К. Буга пришел к выводу, что Верхнее Поднепровье и Среднее Подвине являлись родиной предков литовцев и латышей, причем в Среднем Подвине локализовались предки латышей, а к югу и юго-востоку от них, т. е. в бассейне Верхнего Поднепровья, — предки литовцев [20, р. 732, 739]. Археологически пока трудно доказать эти выводы, но указанные особенности в среде днепро-двинских племен явно свидетельствуют о племенном членении в восточнобалтской среде.

Со второй половины I тысячелетия н. э. судьба племен Белорусского Подвinya связана со сложными этническими процессами, вызванными значительными передвижениями балтских племен, что повлекло за собой образование новой культуры тушемлинско-банцеровского облика. Не касаясь полемики по вопросу ее этнической принадлежности, заметим лишь, что балтские черты в ней остаются преобладающими и только в самом конце I тысячелетия н. э. они почти полностью растворяются в славянской среде. Можно предположить, что в результате сложного процесса славянской колонизации потомки западнодвинских балтов, продвинувшись на территорию восточной Латвии, приняли участие в формировании этнической группировки латгалов.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Бутько В. Д., Митрофанов А. Г. Археология Белоруссии за советский период. — СА, 1967, № 4.
2. Шмидт Е. А. Днепро-двинские племена в I тысячелетии н. э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — М.: ИА АН СССР, 1975.
3. Митрофанов А. Г. Памятники восточнобалтийских племен. — В кн.: Очерки по археологии Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1970, ч. 1.
4. Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвinya. — М.: Наука, 1970.
5. Минасян Р. С. Памятники раннего железного века на юге Псковской области. — АС, 1974, № 16.
6. Шадыро В. И. Племена днепро-двинской культуры Белорусского Подвinya (VIII—VII вв. до н. э.—IV в. н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Л.: ЛГУ, 1981.
7. Шмидт Е. А. Некоторые особенности культуры городищ верховьев Днепра во второй половине I тысячелетия до н. э. — Материалы по исследованию Смоленской области. Смоленск, 1961, вып. IV.

8. Граудонис Я. М. Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. — Рига: Зинатне, 1967.
9. Graudonis J. Par dažiem Latvijas agro metalu periods kaula rotadatu tipiēm. — АЕ, XI, Riga, 1974.
10. Очерки по археологии Белоруссии. — Минск: Наука и техника, 1970, ч. 1.
11. Шут К. П. Памятники раннего железного века на севере Белоруссии. — В кн.: ДБ. Минск, 1966.
12. Моора Н. Die Eisenzeit in Lettland bis etw. 500 n. Chr. 1, 2. — Tartu, 1929.
13. Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. — М.: Наука, 1971.
14. Минасян Р. С. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья. — АС, 1978, № 19.
15. Шмидт Е. А. Днепро-двинские племена в I тысячелетии н. э.: Дис. ... д-ра ист. наук. — М.: ИА АН СССР, 1975.
16. Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. — МИА, 1941, № 5.
17. Седов В. В. Булавки восточных балтов в эпоху раннего железа. — АБС, 1962, т. V.
18. Третьяков П. Н. Городище Осыно. — СА, 1976, № 3.
19. Шмидт Е. А. Особенности развития днепро-двинской культуры в первых веках н. э. — В кн.: БС. Минск, 1972.
20. Būga K. Rinkiniai raštai. — V.: Valst. polit. ir moksl. lit. leidykla, 1961, t. 3.

#### BALTISCHE ALTERTÜMER DES BELORUSSISCHEN FLUSSGEBIETS VON DWINA

W. Schapiro

#### Zusammenfassung

Im vorliegenden Beitrag werden die Ergebnisse der neuesten Forschungen der Bodendenkmäler der Eisenzeit aus nördlichem Belorussland (Flussgebiet von Westdwin) dargelegt. Die Mehrheit der Funde wird in der wissenschaftlichen Literatur zum ersten Mal beleuchtet. Die reichen Funde zeugen davon, dass sich im Norden Belorusslands im 8. und 7. Jahrhundert v. u. Z. eine eigentümliche Gruppe der ostbaltischen Stämme gebildet hat. Zusammen mit den Stämmen, die das Gebiet am Dnepr bei Smolensk und im Süden von Pleskau (Sebeshskoe Pooosjorie) bewohnten, hat diese Gruppe eine einheitliche und eigentümliche dnepro-dwinische Kultur geschaffen. Das Gebiet des belorussischen Flusses Dwina, das sich im Areal der dnepro-dwinischen Kultur befand, weist viele spezifischen Besonderheiten auf. Daher kann man über die westliche Variante dieser Kultur sprechen. Das Leben dieser Stämme kennzeichnen seit der zweiten Hälfte des ersten Jahrtausends u. Z. die komplizierten ethnischen Wandlungen unter den baltischen Stämmen sowie die Kolonisation dieser Gebiete durch Slawen. Ende des ersten Jahrtausends u. Z. hat sich das baltische Element unter Slawen fast völlig aufgelöst.

#### БАЛТСКИЕ НАХОДКИ В КУРГАНАХ ЗАПАДНОЙ РУСИ

З. М. Сергеева (Москва)

В древнерусских полусферических курганах X—XIII вв. выделяется группа находок, имеющая в древностях балтов массовые аналогии как по внешнему виду, так и по назначению. Среди них наиболее яркими являются металлические украшения — шейные гривны, фибулы, браслеты, перстни, подвески, некоторые изделия из янтаря, ткани, украшенные спиральками или обоймицами, головные уборы.